

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ В БЕЛАРУСИ:

состояние

и перспективы развития

Материалы
II Международной
научной
конференции

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

**ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ В БЕЛАРУСИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы
II Международной научной
конференции**

Минск 2003

УДК 159.9(09)(476)

ББК 88.1(4Бел)

И907

Рецензенты:

Я.Л. Коломинский, доктор психологических наук, профессор;

А.Н. Сизанов, кандидат психологических наук, доцент

И907 История психологии в Беларуси: состояние и перспективы развития: Материалы II Междунар. науч. конф., 17—18 апр. 2003 г. / Под. ред. Л.А. Кандыбовича. — Мн., 2003. — 323 с.
ISBN 985-435-574-8

В издании представлены материалы исследований по вопросам развития белорусской психологии в 20—30-х гг. XX в., ее связей с мировой и российской наукой, истории развития отраслей психологии и научных школ в Беларуси, психологического образования и преподавания психологии в учебных заведениях, инженерной психологии, психологии труда и специальной психологии в Беларуси, формирования новых мировоззренческих и ценностных ориентаций молодежи в постперестроечный период.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам психологических факультетов, всем интересующимся вопросами истории психологии.

УДК 159.9(09)(476)

ББК 88.1(4Бел)

ISBN 985-435-574-8

© Коллектив авторов, 2003

© УИЦ БГПУ, 2003

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Малиновский Е. Л.

В контексте стремления психологии к самостоятельности ее разрыв с теологией не был чем-то само собой разумеющимся. Но в силу обстоятельств своего развития “любознательная Психея” должна была пройти тяжкий путь познания, прежде чем назваться Невестой принца – Святого Духа, возлюбившего науку о душе более других, вместе взятых. Что и определяет ударное воздействие психологии на современный социум, ожидающий от нее не только технических процедур, но и сакрального участия в судьбе народа и государства.

Базовая программа по истории психологии включает в себе пробел сакрального содержания дисциплины шириной в тысячелетие – от раздела “Античная психология” до “Ран-

няя психология в средние века и эпоху возрождения”. Причем понятие “средневековья” настолько размыто в представлении студента, что он полностью дезориентирован в хронологической оценке исторических обстоятельств, помещающих личность в условия достижения прежде неведомого синтеза: “Се творю все новое” [Откр 21,5]. История психологии, наивно игнорирующая факт сакральной креативности личности, обрекает ее на историческую же зависимость от “странного монстра”, индуцирующего мифы и паттерны мышления. Между тем хронотоп личности – это время свободной рекапитуляции, ведущейся на интеграции психических процессов, состояний и свойств конкретного человека с личностью Иисуса Христа, являющейся, несомненно, центром истории нашей цивилизации, ее причиной и источником.

Такое направление мыслей представляет “историю как Дар, таинство”, медитацию, кристальное всматривание в вертикальное измерение личности, берущей свое начало от логически и исторически первого выбора между жизнью и смертью. Мудрый психолог не станет отрицать, что не только от человека зависят судьбы человеческие: Когда же речь идет о психологической компетентности, от которой в последнее время зависит все большее количество простых людей, то игнорирование Божественным Промыслом в нашей оценке факта и явления становится преступным.

Если психо-исторический подход “помешает психику и личность в связь времен”, то культурно-логический генезис как вторая природа человека “обязан онтогенетическому рождению свыше”. Если “человек, – по мнению Я.Л. Коломинского, – психологическая мера Бога”, то “целенаправленное моделирование поступка как единицы поведения”] обязан считаться с парадигмой подобного моделирования – “Гефсиманской молитвой”.

Психологический анализ становится адекватным инструментом истории через отображение интенциональности личности в мотивации постижения: “Познаете истину, и истина сделает вас свободными” [Ин. 8, 32]. Динамическая реальность, существование которой определяется ее взаимоотношением с Богом, представляется историческим процессом восхождения и причастия. Человек как образ Творца призван к свободному достижению Его подобия в жертвенном усилии любви через личность как “становление Богом”.

Целем представляется возможным изучение истории психологии первых времен христианства и средневековья в теопсихологическом контексте, содержащем в себе синтез научного, художественного и религиозного в личности, не сводящей свой генезис к этим составляющим, но опирающейся на “теозис” как новое и всегда уникальное – “единородное” выражение жизни и пути Логоса.

Если теология в общем смысле – наука о самообнаружении Бога в человеческой истории, теопсихология, возможно, наука об самообнаружении Бога в личности человека. “Бог стал человеком, – пишет св.Афанасий Александрийский, чтобы человек стал Богом”. К этому основополагающему сотериологическому (soteriologia) представлению истории могут быть сведены все крупнейшие кризисы психологии: от картезианского дуализма до современной реорганизации психологии как схоластической дисциплины. Для выхода из кризиса психологии необходим такой исторический контекст, который напомнил бы о личности Иисуса Христа как творца Нашей, то есть психологической эры. Дальнейшее восхождение психологии в керигматическом (kerigma) шествии первых христиан переходит в учение о Логосе у Тертуллиана и особенно у св. Иринея (II в.), приписывавшего “личности Иисуса Христа решающее значение в полном познании Бога: Visio Dei”. Ясный ход мысли, выраженный вопреки гностическим спекуляциям, в простых библейских понятиях, есть, как думается, высшая историческая заслуга апологетов и отцов Церкви.

Дальнейшее развитие психологической мысли связано с восточным спекулятивным богословием и отмечено именами св. Климента Александрийского, Оригена, Дионисия Ареопагита. Они предвосхитили будущую терминологию самосознания личности через определение ипостасей Отца, Сына и Святого Духа. Представляется, что данный, вовсе игнорируемый контекст истории психологии, непременно должен быть представлен в ее программных разделах.

Церковь как колыбель психологической цивилизации сближала науку, искусство и религию, постоянно контролируя их интерференцию в целях невмешательства в личную жизнь человека как тайну божественного домостроительства. Здесь теология следовала за Аристотелем, считавшего, что о свободе можно думать как об отсутствии вмешательства.

Св. Августин, С. Бозций на Западе, св. Максим Исповедник, Св. Иоанн Дамаскин на Востоке, сузили дистанцию теологии и психологии, позволившую оценить коэффицент возникновения новых концепций, касающихся, в первую очередь, герменевтики с ее последующим переходом к феноменологии. Материалистическому психологу приходилось выражать несогласие с метафизической причиной этих взглядов, агитируя детерминизм как “единственно верный” путь психологического познания, демонстрирующего большее, по сравнению с теологией, “правдоподобие” в силу своей наглядности. Наиболее значительный удар в данном направлении пришелся на схоластику, обеспечивавшую системный подход в изучении природы человека. Эта “подозрительная личность” Фомы Аквинат считал, что иногда мы можем действовать в согласии с собственной волей. Но когда речь идет об объективных оценках, все зависит не от вкуса или прихоти, а от того достаточно ли данный человек похож на человека (вспомним – “человек есть психофизической мерой Бога”). То, что хорошо для одного, плохо для другого. “Зло, взятое само по себе, есть ничто”. Поэтому каждая вещь стремится быть собой, и в этом ее добро. Христианский человек – это состоявшийся или счастливый. А для того, чтобы быть счастливым, говорит Аквинат, надо поступать (“моделировать”) определенным образом или быть определенного рода личностью.

Коль скоро речь идет об истории психологии, то не существует причины, по которой психология не могла бы стать тем, чем есть, то есть наукой о душе. Однако, по христианскому откровению, она предназначена для жизни, которая выходит за пределы ее опыта и апеллирует к опыту уникальной личности: “Я пришел, чтобы имели жизнь и имели с избытком” [Ин 10,10]. По Аквинату, мы имеем дело с “вдунутыми” (infusae) добродетелями. Их не достичь своими усилиями, они даны Богом. Психология предназначена для дружбы с Ним”.